

ИСТОРИИ

ПУЛЬС МИРА НА ДОНБАССЕ

Алиса Сопова

Игорь Козловский

24 августа 2021 года была 30-я годовщина независимости Украины. Это дата, важная для всех украинцев, и особенно важная для жителей городов, расположенных в зоне конфликта.

Для рубрики «Правила жизни» CivilMplus поговорили с двумя людьми родом из Донбасса:

Игорь Козловский – ученый, религиовед, историк, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Украины, бывший узник совести т.н. ДНР.

Алиса Сопова – журналистка, выпускница программы “Nieman Fellowship”, аспирантка Принстонского университета.

Игорь Козловский

Мне самому сложно бывает ответить на вопрос, как меня представить, потому, как и самому себе иногда тоже сложно рассмотреть, кто же я на самом деле. **Как человек науки я больше оперирую не понятием «идентичность», а понятием «аутентичность», потому что это связано именно с моим видением себя. И как я для себя определяю аутентичность это во многом связано с честностью я бы сказал, с правдивостью.** То есть соответствие себя внутреннего с собой внешним. Что же касается идентичности – здесь очень важный момент, связанный с тем, что идентичность – тождественность, как мы переводим на русский язык – на самом деле это соответствие. То есть какой ответ. Как ты отвечаешь на поставленный вопрос: «кто ты?». В данном случае я, наверное, общественный деятель и ученый.

События независимости я помню хорошо, в этот момент я был в Донецке, как многие мои друзья и окружение. Мы где-то внутренне к этому готовились. Сказать, что это было неожиданностью? Нет. В это время был какой-то, я бы сказал, период «романтического возрождения». Потому как с конца 80-х годов идет процесс восстановления исторической памяти, а меня, как историка, это не просто интересовало – я достаточно углубленно этим занимался. То есть в воздухе витало ощущение глубоких перемен. В том числе перемен, связанных с национальной идентичностью, с самоосознанием того, кто мы, откуда мы идем и куда движемся.

А вот что стало неожиданным – наверное, то, что это произошло практически сразу после путча. В этом процессе объединились люди с разными позициями, разным бэкграундом и видением будущего Украины. Но это был выбор коллективного, я бы сказал, разума. Потому что поддержали независимость коммунистическая партия и коммунисты, и люди, которые стояли на правом фланге. То есть это было не скажу, что удивительно или глубоко удивительно, скорее в какой-то степени неожиданно.

Я понимаю: мало что-то заявить, вывесить флаги и провозгласить независимость. Необходимо менять сознания людей, которые не знают, что такое независимость, что такое жить в свободной стране. Они еще ничего не знают и их сознание в этом отношении достаточно ригидно, потому что наполнено определенными стереотипами и не имеет исторической памяти. И

вот моя задача была в том, чтобы восстанавливать разрушенные руины внутреннего человека, историческую память. Учить человека мыслить, отвечать на вопросы и нести ответственность за те ответы, которые он берет.

Если говорить про мою жизнь тогда, то современным языком моя задача была хакерская – взламывать внутреннюю систему людей, очищать от того шлака, который был, и менять сознание. Конечно, это проще делать с молодыми людьми, но я на этом не останавливался, стараясь выходить на разные уровни. А сейчас, наверное я бы свою задачу описал шире. С одной стороны, продолжаю быть просветителем, потому как всегда говорю, что территории, которые у нас оккупированы, – это не только территории. Оккупированы и сознания людей. Поэтому важно, чтобы процесс деоккупации сознания шел системно. И так как я сам привык системно мыслить, то продолжаю заниматься тем же просвещением. Вместе с тем я во многом занимаюсь и правозащитной работой.

Мне тревожно, когда я вижу, как у людей продолжают сохраняться мифологические структуры, которые помогают ему объяснять действительность. **Сейчас в оккупированном Донецке сформировалась некая странная система мифов, в которой намешаны обломки разных эпох. Начиная с эпохи 37-го года, потом Советский Союз 50-х годов, 70-х и до 80-х – до перестройки.** Это структуры сознания, которые привычно рисуют картину некоего порядка, братского общения с представлением о том, что все вокруг враги, а мы все хорошие, все братья и мир во всем мире. Но при этом забывают все негативы, которые там были. **Вот это вытеснение негатива, я бы лучше сказал так: некоторое внутреннее предательство, когда Советский Союз представляется как нечто предсказуемое.** Ты знал, что у тебя будет завтра, что будет на пенсии, да, маленькая пенсия, но она будет - это стабильность, патернализм и иждивенчество. Когда за тебя все решают, а ты находишься в младенческом состоянии. Самое важное: у тебя нет ответственности и это как гора с плеч. Люди не хотят вспоминать, что за это платили. Хотят только помнить, что за них что-то решали и они не несли ответственность.

Многие люди не умеют оперировать понятиями смыслов, выборов и инфантильность – это удобно, потому как ты перекладываешь всю ответственность на другого. **Потому что, как мне говорили те же уголовники во время плена: «Игорь Анатольевич, профессор, не я такой - жизнь такая». Это представление о том, что ты хороший, но кто-то же виноват в то же время? Правительство, ситуация, жизнь, жена, муж, общество, сосед, то есть кто-то внешний.** И для того, чтобы уже окончательно себя успокоить нужно эти представления рационализировать - создать тот самый рациональный миф. То есть объяснить, что все так делают, все так живут, а что здесь такого? Какая разница? Вот эти фразы сразу выдают человека инфантильного, безответственного.

С одной стороны, мы боремся за возвращение территорий, что понятно, а с другой – для нас, конечно, важны люди. Опять же возвращаясь к деокупации сознания: для того, чтобы этот процесс ускорить необходимо, конечно, создание условий в самой Украине, чтобы она была привлекательна для них. Так как это сознание людей, которые мыслят утилитарно, а не какими-то высокими категориями. Достаточно прагматично, в простом смысле этого слова. Естественно, сложно проводить диалог, потому что на неподконтрольных территориях отсутствует гражданское общество. Оно там просто уничтожено. Любая гражданская активность вне идеологической системы, которая там есть, просто преследуется. Человек может оказаться в подвалах, в концлагере или быть убитым, поэтому здесь очень сложно проводить прямой диалог с той территорией. Но люди выезжают на эту территорию и можно создавать условия для тех же молодых людей, которые все же вырываются. Они же явно там не будут оставаться жить – на той территории, потому как она бесперспективна. Во всяком случае ближайшие десятилетия.

Вообще для меня самое важное – определение того, что такое зрелый человек, тот, у которого есть смысл жить. Он понимает, что его жизнь не случайна. Для него важны не только какие-то биологические устремления, стереотипные, какие-то схемы, которые были сформированы еще в детстве и юности. Для него очень важно, как он видит будущее. Как видит себя в этом будущем и какое место занимает в его истории. Иначе говоря, как он отвечает на вопрос «зачем?» Зачем он живет?

Я всегда на этот вопрос отвечаю так: все в этом мире движется любовью. Если мы вынесем любовь за скобки, то исчезает и сам смысл существования, как человека, так и человечества. Насколько мы, как ученики любви, научились любить – настолько мы люди, наверное. И при этом я понимаю, что глубинно это не просто слова, некая эмпатия, как фактор понимания боли и

страдания другого. Это когда ты можешь услышать внутреннего человека, его душу.

Я бы хотел пожелать, чтобы мы не просто сострадали друг другу, а были теми, кто умеет любить. А любовь всегда не эмоции, а действия. Я бы сказал действие, которое связано с тем, что же мы вкладываем в то, чтобы мир стал лучше. Чтобы мир стал меньше испытывать боли. Какие усилия мы в это вкладываем. Думаю, в этом и есть назначение человека, как высшего звена в развитии высшего звена нашей планеты. Это ответственность не только за

себя, но и за мир вокруг. Даже выходя за пределы своей нации и государства. Только тогда это может создать тот феномен, который спасет нашу планету в целом.

Алиса Сопова

Я много лет работала журналистом, да и сейчас периодически публикуюсь. В Донецке я 8 лет работала в местной газете «Донбасс». Когда началась война, наша газета сразу закрылась, и я работала фиксером, местным продюсером и иногда корреспондентом с разными иностранными СМИ. Сейчас учусь в Принстоне в аспирантуре на антропологии. **Мне кажется, что антропология близка к журналистике, но с ее помощью я надеюсь посмотреть немножко глубже на те процессы, которые происходят в Донбассе.**

Когда началась война, я в какой-то момент поняла, что мой опыт, то, как я это вижу и что наблюдаю, очень сильно отличается от обычного освещения военных действий в медиа. **Приезжают журналисты и такие «давайте по-быстренькому».** Туда, где сильнее всего военные действия. «А чего хочет Путин? А чего хочет Украина? Какие у них там военные?» В основном, только военные и политические аспекты всех интересуют. А мне, как человеку, который там жил, стали бросаться в глаза вещи, которые, наверное, можно заметить только если это происходит у тебя дома. Как люди, которых я знала всю жизнь, начинают менять свой образ жизни. Как меняется город. Как жители справляются с тем, что происходит. Поначалу люди услышат один взрыв и думают, что все – конец света. Потом проходит полгода – и у них уже взрывается чуть ли не под окном, а они не обращают внимания. Я стала замечать какие-то такие вещи и поняла, что они особо больше никому не интересны в журналистике. И что я не могу предложить материал об этом в какое-то СМИ. Поэтому сейчас тема моих исследований – копинг-стратегии¹ мирных жителей в зоне военных действий в Украине, то, как они психологически адаптируются к происходящему.

Когда мы говорим о войне, то обычно подразумеваем, что герои – это обязательно военные. А у меня есть один любимый герой этой войны – Родион Лебедев. Рядом с донецким аэропортом есть поселок Опытное, это место, которому больше всего досталось, он оказался в серой зоне, там все вокруг заминировано, разбомблено. Электричества нет, воды нет, связи нет, магазина нет. И при этом там живут люди – около тридцати человек, в основном, очень пожилые. И один средних лет мужчина - Родион. Все, кто могли, уехали, а он остался, потому что решил, что иначе некому будет следить за этим поселком, за бабушками и дедушками. Он там остался как самопровозглашенная гуманитарная организация, он - единственная связь этого поселка с миром.

¹to cope – в переводе с английского – справиться, смочь что-то пережить.

Моя личная копинг-стратегия – писать обо всем этом и во все вникать. Я заметила, что есть две основные реакции среди людей. Очень у многих наступает отрицание. Люди переезжают в Киев или еще куда-то и хотят вообще ни о чем не вспоминать. И когда я публикую свои материалы или посты, эти люди часто мне в личной беседе говорят или в комментариях пишут: «Алиса, сколько можно на этом негативе фокусироваться? Ты не видишь – жизнь так прекрасна. Что ты все про этих бабушек в прифронтовых поселках?» **Мне кажется, что среди людей, которые непосредственно пострадали от войны, очень сильна эта тенденция отрицания.** Помню, в каком-то прифронтовом поселке в продуктовом магазине висела бумажка на стене, на которой было написано «Ни слова о войне!» Это девиз многих людей. Они не хотят об этом думать. Хотят как можно больше абстрагироваться. А я – наоборот, как-то для меня это по-другому работает.

Я родилась в 88-м году, за три года до независимости, в Донецке. Донецк, как промышленный город, образовался вокруг ДМЗ – «Донецкого металлургического завода». И для меня, как для многих дончан, заводской гудок всегда был своего рода звуковым символом нашего города. Эти гудки в свое время отменили по всей стране, чтобы они не мешали жителям. А ДМЗ из символических соображений разрешили его оставить, потому что в Донецке к нему, наоборот, привыкли. **И каждый день он гудел по несколько раз – я точно помню, что в 7, 10 и 11 вечера. Это гудок с парохода. У него такой звук... Его не всегда слышно, но даже на другой части города как бы вибрация идет. И я помню его с самого раннего детства.**

Я не могу сказать, что чувствую себя украинкой на сто процентов. Этнически во мне смешано много кровей, и выросла я в смешанной, пограничной культуре, где мало у кого была четкая национальная идентификация. В моем детстве и юности этот вопрос даже и не обсуждался, не имел значения. **И когда в 2014 году все это началось, то сначала я восприняла это с национальной точки зрения. Мне стало казаться, что с нами это случилось потому, что мы в Донецке такие несознательные граждане, «недоукраинцы», не имели какого-то национального стержня, поэтому нами так легко и проманипулировали.** Но когда я стала работать как журналист по обе стороны линии фронта, я поняла, что это все гораздо сложнее. Когда ты проводишь время с людьми по обе стороны, становится невозможно считать, что вот есть хорошая Украина и плохие сепаратисты – или наоборот. Просто у разных людей в переломный момент все откликнулось по-разному. Кто-то стал чувствовать себя патриотом Украины, а кто-то реально поверил в другие идеи. Я встречала людей, которые мне говорили: «что же ты не понимаешь нас. Я ведь пошел воевать, чтобы тебя защитить от фашистов!» Я понимала, что там нет никаких фашистов и все это пропаганда. Но если этот человек из лучших побуждений пошел рисковать своей жизнью, чтобы кого-то защитить от воображаемых фашистов то... мне было сложно только за это его осудить.

Линия соприкосновения, и вся эта ситуация, которая заморозилась и не двигается ни к какому решению – для меня это как Берлинская стена. Вот она стояла тридцать лет, а потом в один момент стала просто неактуальна, потому что произошли глобальные политические изменения. Я надеюсь, что и для нас рано или поздно придет момент, когда что-то глобально изменится и данная ситуация, которая сейчас есть, станет неактуальной. Когда политически что-то изменится между Россией и Западом, закончится эта новая Холодная война. А пока все происходит в том ключе, в котором происходит, и в России, и в Украине, я думаю особых оптимистичных перспектив у нас нет.

Моя главная рекомендация тем, кто будет это читать в Европе – **не надо считать, что эта ситуация нормальна.** Потому что у меня (и, думаю, у многих) есть впечатление, что, по большому счету, всех за пределами Восточной Украины нынешнее положение вещей устраивает. Конечно, нехорошо, что вот прямо на территории Европы есть спорные территории, очаги конфликта. Но, в принципе, до тех пор пока там нет масштабных военных действий, пока миллионы беженцев из Украины не штурмуют границы Евросоюза, пока это никому за пределами Донбасса не доставляет очевидных неудобств, всем проще и политически комфортнее оставить все как есть, чем предпринимать конкретные шаги для разрешения конфликта.

И мы – люди, которые там живем (я сама хоть и не нахожусь там сейчас постоянно, но вся моя семья там) – мы все это прекрасно понимаем. И то, что нам рассказывают: «Мы за вас, держитесь, мы вам поможем, мы что-то там сделаем»... Мы уже давно поняли, что это неправда. Это можно рассказывать друг другу на каком-то высоком политическом уровне – а тем, кто находится на месте событий и живет в этой реальности, совершенно очевидно, что людей просто бросили. Там реально живет порядка 5 миллионов человек, у которых не осталось иллюзий ни в отношении Европы, ни в отношении России. Они прекрасно понимают, что оказались крайними в ситуации, когда все преследуют какие-то свои политические цели за счет людей, которые вынуждены жить с последствиями.